

Автор сих стихов родился в городе Нефтекумске Ставропольского края 11 декабря 1986 года в семье простых тружеников государства. Рос впечатлительным, замкнутым, слабым ребенком, который любил всякое творчество: стихи, изобразительное искусство. В школе какое-то время был даже отличником. В подростковом возрасте увлечение одной девушкой не довело до добра (а может и довело): в результате ссоры с оной юноша оставил мечту стать программистом и сделал кардинальный поворот в жизни. А именно поступил в Военно-космическую Академию им. Можайского в 2004 г. и оказался в прекраснейшем городе Санкт-Петербурге. Правда, в течение 3-х лет казарменного положения ходил по нему строем (иногда с песней) со своими товарищами в форме. С 2007 года всерьез увлекся поэзией и стал записывать свои вирши систематизированно, выкладывать на чудесный сайт Вконтакте. Даже снискал некоторую славу в отдельных группах, благодаря одной из

которых в 2009 году (перед самым выпуском из стен Альма-матер) познакомился с оригинальной девушкой Анастасией из города Великий Новгород (впоследствии первой женой). Молодого лейтенанта отправили служить в город Норильск, находящийся за полярным кругом. Туда же приняла решение ехать и Анастасия. Был брак, который продлился недолго. Служба шла своим чередом. Стихи преспокойно появлялись. В 2013 году состоялось случайное знакомство с неслучайным человеком, а именно второй женой автора сих стихов, Элеонорой, которая уже была счастливой мамой счастливой девочки Киры. Свадьба случилась 13 декабря 2013 года в пятницу. В процессе несложных процедур у новобрачных в августе 2014 года появляется желанный сын Яков Денисович Тихонов. По сей день идет творческий процесс. Кто знает, что будет дальше.

Автор любит: фильмы Дэвида Линча, стихи А. Родинова, Ф. Сваровского, И. Бродского, некоторых поэтов советского андеграунда, классический рок, иногда злоупотребить алкоголем, семью и Родину.

Не любит: ванильные стихи, сектантов, сплетни, быдло, мороз минус 50.

А теперь самое интересное.

Возвращаясь в этот город,
ищешь за штуку двести
такси седан.
Неловко кладешь чемодан.
Молчишь из мести
к самому себе,
к простуде на верхней губе,
к стабильно плохой погоде.
Я тебя видел вроде,
говорит водила.
Дорога в полярную ночь уходила.
Мимо промышленных развалин
к окнам чужих спален.
Город —
ледяная глыба.
Город —
копченая рыба.
Город —
сушеная оленина.

Город —
экологическая мина.
Попадая сюда,
сразу становишься местным.
Жизнь становится пресной.
Пьешь водку. Работаешь.
Ходишь в храм.
Участвуешь
в парочке любовных драм.
В итоге выбираешь из зол меньшее
и живешь один,
пряча появление седин
перед случайными женщинами.
Возвращаешься в этот город,
словно к нелюбимой жене.
Она чувствует холод,
когда гладишь ее по спине
и
смотрит на тебя грустно,
Но никуда тебя не отпустит.
Твое сердце
колется в груди,
как
выводок ежат.

УМРЕШЬ, А СНЕГ ТАК И БУДЕТ ЛЕЖАТЬ

Старший брат
приехал из командировки.
Подарил берцы
на быстрой шнуровке,
солдатскую разгрузку,
майку с надписью
"Я — русский".
У нас в роду
он единственный военный.
Меня интересуют
тайны Вселенной,
кометы и инопланетяне.
Брат с утра бегать
тянет.

Пока у всяких алкашей
сушнячок,
мы сходим
на турничок —
его поговорка.
Бегаем по пригорку.
Подъем сбивает дыхание.
А я, говорит брат,
тащил на себе раненого
почти что сутки по лесу.
Или, как говорится, по плотной зеленке.
Я был ребенком.
Мне
не интересно.
Надеюсь,
что в армию не возьмут —
мало веса.
Брат служил пять лет по контракту.
В составе группы
предотвратил кучу
терактов.
Я запомнил его молодым,
веселым и сильным,
как в старых
советских фильмах
показывают офицеров.
Сказали,
что взвод попал под огонь прицельный,
его тело после боя
не обнаружено.

ЛУЖИ

Ранее утро. Ноябрьская аллея.
Врач рекомендовал бегать.
Потихоньку стареем.
Темно. Воздух легкие рвет.
Кое-где уже лед.
Нулевая температура.
Рядом
две фигуры
бегут дорогой кривой.
Это я и мой брат.
Живой.

Говорят,
нищие нужны нашей Родине.
Кроткая бедность есть национальная символика.
Только как отличить святого юродивого
от тунеядца и алкоголика?
Кто нищий?
Тот, кто постоянно ищет,
где поспать или пищу:
несвежие продукты, недоеденные чизбургеры и
картошку.
На крайняк убьет и съест кошку.
Или собаку съест.
Может, он откинулся с МЛС
или инвалид, ветеран войны южной,
постарел и детям с женой стал ненужный.
Исход один: нет жилья и денег.
Я прихожу домой, включаю телек,
выключаю мозг.
А он ждет, пока закроют киоск,
чтобы порыться в мусорном баке.
Его запинаят в драке,
выкинут в реку.
Не станут искать труп
такого человека.
Так дни сменяются днями,
мирные жители в инстанции пишут:
от бомжей в подъездах воняет,
они своим видом пугают детишек.
Один из нищих — переодетый Иисус,
проклянет не подавшего милостыню.
Его дети узнают, каков мусор на вкус,
когда они вырастут.
Иду.
Вечер. Часов где-то шесть.
Билборд о вредных привычках.
Рядом мужик в старом плаще.
Хочет есть.
Так написано у него на табличке.
Дал денег.
Говорю:

“Что сидишь? Ты б работу нашел”.
Я б не смог быть таким бы.
А мужик улыбнулся и снял капюшон,
освещая улицу нимбом.

* * *

Я
через столько лет возвращаюсь сюда,
где из крана бежит родная вода,
где наполнены гордостью и тишиной
друзья, что когда-то были со мной.
Друзья перестали отвечать на звонки.
От деревьев, с которых падал, остались пеньки,
кольца на них обручальные для
любого прожитого мной в детстве дня.
За пропущенный урок не поставят двойку.
Всех одноклассниц затащили в койку.
За пропущенную жизнь не зовут маму в школу.
От желания выпить в горле чешется, как от укола —
вызывающей страх прививки манту.
Кот у соседей приходится внуком коту,
которого помню, когда уезжал.
Словно ранение от ножа,
кровоточит в парке источник. Там по-прежнему сы-
рость.
То ли город стал меньше, то ли я вырос,
и вписан в квадрат, и в свой круг ввинчен,
как витрувианский человек у да Винчи,
и эта местность и есть граница и степень моей свободы,
куда возвращаешься спустя годы,
встречаешь отца и мать, когда сам отец,
и оживаешь от стука родных сердец.

* * *

Всяк кулик хвалит свой ашрам,
принимает позу лотоса,
улетает в нирвану
или в Ашан.
Всяк кулик хвалит свой храм,
выпекает кулички,
красит яички,
которые снес.

Всяк кулик хвалит до слез
все, в чем есть национальное что-то.
Всяк кулик, приняв радикальный ислам,
взрывает чужое болото.
Всяк кулик умирает сам
попадает в ад, Шангри-Ла,
на съемки фильма "Пила".
Куда, решает тот, чье было первое Слово.
И вот
одни, сощутив раскосый глаз,
вдыхают запах горячего плова.
Другие постятся, пьют хлебный квас.
Одним нужны рабы, другим воля.
А между ними стоит Куликово поле.
Всяк кулик помнит Куликово поле.
Всяк кулик ходит по морю,
раздвигает горы,
семь лет медитирует и прозревает,
женится, рождает детей, зевает
и встает на работу.
Всяк кулик попадает в болото.
Всяк кулик хвалит свое болото.

* * *

Приехали на старой девятке.
с собой яйца всмятку,
банка зеленой эмали.
кисточки забыли в подвале.
у отца под лавкой припрятаны
в тряпке
запасные. Не встанет работа.
Родительская суббота.
на кладбище пьяных куча.
мне скучно.
мне шесть с половиной.
Свитер с горловиной
колется.
У соседней могилы громко молятся.
С памятника смотрит мой дед в парадке.
Отец красит ограду.
Я держу банку.

Дед воевал на танке,
в городе в честь него названа улица.
Отец хмурится,
потому что я жалуясь, устала спина.
Эх ты, говорит, а если война?
В машине слушали магнитофон.
Меня срубил сон.
Проснулся, когда выезжали на трассу.

Отец молчал.

Потом спросил: "А мне оградку покрасишь?"

Дома мама напекла блинов.

Пришли гости. Открыли вино.

Ну, сынок, а тебе компот.

Выпей за дедушку Сашу.

Покрашу, папа

покрашу.

Шансончик играет в такси за триста,
Курить нельзя, водитель из некурящих.
"Что, — говорит он, — доедем быстро,
Не люблю все откладывать в долгий ящик".
Если не спать и читать Тацита,
То дорога, кажется, будет недолгой,
Как жизнь, завершенная суицидом.
"А я, — говорит, — люблю свою "Волгу",
Движок вот правда стучать стал, зараза.
На иномарки деталь не отыщешь".
Водитель смеется. У него под глазом
Синяк — два парня не дали тыщу.
Возле столбов цветы и венки
Яркие и пестрые, с черными лентами.
Пропущенные встречи, неотвеченные звонки,
Деньги, не возвращенные банку, с процентами.
"Жизнь, — говорит он, — не Олимпиада,
Не всегда ускориться — значит успеть.
Я люблю возвращаться, мне дети рады,
Так и живем ведь. Так и живем. Ведь.
А ты к кому, слышишь, едешь под вечер?"
"Да вот, — говорю, — бухать буду".

Кроме монет, расплатиться нечем,
Таксист, как продавший Бога Иуда,
Зазвенел мелочушкой в сухой ладони.
"Сюда, дружище, вот этот подъезд,
Рядом с которым стоит на бетоне
Старый фонарь, похожий на крест".

Папа закрывался в ванной и выходил добрый.
Пахло пряным дымом. У папы краснели глаза.
Мама грустнела. Папа показывал удар кобры,
Обещал сводить в цирк. А потом тормоза.
Мама звонила бабушке и плакала в трубку,
Папа молчал и заваривал чай.
Мама кричала. Папа изображал капитана в рубке
И рисовал якоря на худых плечах.
Я подходил, он смотрел не мигая,
Смеясь, говорил: "с кровати не прыгай"
А мама рыдала: "У тебя другая",
Папа вставал и шел до барыги.
К вечеру ближе спускалась соседка.
Приносила конфеты и пачку печенья,
А в вазе на кухне торчала ветка
Вербы с Прощеного воскресенья.
Ночью ко сну отец возвращался.
Мама несла на балкон белье.
Он включал магнитоу и улыбался.
"Все чужое, — пел Летов, — лишь имя свое".

Подписью, похожей на паука,
Заверен паспорт давнишней знакомой.
Я прихожу к ней, поддатый слегка,
Доступностью тела ее влекомый.
Для женщины время — как инквизитор,
Худшая боль — седина и морщины.
К вам граф Орлов, говорю, с визитом,
Как в пошлой рекламе завитый мужчина.
Похабные новости, фотки в фейсбуке,
Глупые шутки о женских прелестях,
Я выпиваю, чтоб распустить руки.

Трезвому мне не хватает смелости.
Пустой холодильник, йогурт на ужин,
Вечно текущий бачок в сортире —
Признак: у женщины нету мужа,
Но я не за этим у ней в квартире.
Распущены волосы по простыне,
Она говорит: "Не могу при свете".
Через час все забуду, лишь на спине
Будет щипать пара отметин.
Об этом писать что плевать в потолок.
В лифте спускаюсь, а может быть падаю.
Я не Есенин, не новый Блок,
Я хищник, который насытился падалью.

Прапору сорок лет. Сын и дочка
от разных жен.
Служебная хата и два ранения. Он был окружен
И захвачен во время Чеченской войны.
Отсидел два года в яме. Лишился здоровья и первой жены.
Спасли. Полкан говорит: "Алексей, не пора ли на пенсию все же."
"Не пора, товарищ полковник, попозже. Попозже".
Жена думала он погиб, но он оказался живым, как Ленин.
Прапор приехал домой. А сын у какого-то мужика на коленях.
Прапор закинул в рюкзак гражданские вещи
и фото с маленьким сыном.
Жену простил. Сам в другой регион служить двинул.
Раньше был в центре, теперь тайга вокруг гарнизона.
На юге река, на севере лагерная зона.
Вечером гладил форму, начищал до блеска новые берцы.
Прапор стал тих, выпивал, но и то, чтоб согреться.
Шел в продуктовый ларек, к худенькой продавщице.
Шутил не смешно, дарил цветы, безделушки, вещицы.
Она, говорят, путалась в офицерской общаге.
Через полгода съехала к прапору со своими вещами.
Про нее разные слухи ходили, но прапор был из другого теста.
Сослуживец решил посмеяться, и на нем не осталось живого места.
Говорят, война не место для агностиков и атеистов,
Но прапор в анкете пункт "вероисповедание"
оставлял всегда чистым.
Он назвал свою дочку Вера, теперь у него появилась вера.
Иногда только сердце болит, как сынишка там первый?

Иногда еще болит голова, жена отправляет его к врачу.
Он наливает сто грамм. Говорит: "Сам себя полечу".

.....

Прапор ничего не боится, потому что он видел ад.
Если будет война, он опять поведет солдат.

С работы домой, в кармане травматика,
Каждый день перед выбором: жизнь? кошелек?
Мать-и-мачеха и мать-и-матика.
Опять в башке каша. Опять поздно лег.

Автобус поедет по переулкам,
Автобус поедет куда глядят фары,
Спасибо всем гайкам, спасибо всем втулкам —
Автобус поедет. Хотя уже старый.

Взаимные ласки лайками и репостами,
Интимные намеки по смс и ватсап,
Фотографии с отдыха на тропическом острове.
И из носа от холода кап-кап и кап-кап.

Остановка "мираж". Остановка сердца.
Отсюда красивый вид на завод.
Пятнадцать лет назад ушел Ельцин.
Через сутки за мной придет Новый год.

Эй, веселый Санта,
Привези мне самку!
Дед Мороз на санках,
Привези мне самку!
Не желаю елку,
Привези мне телку!

Пора выходить, скользить по кишечнику города,
Говорить потише с барыгой, вдруг рядом мент
Стоит, как и ты, жметесь от холода,
как и ты своего времени экскремент.

